Они съели не только её ужин, но ещё и десерт. Она уже по горло сыта ими. Ну что за буйная, шумная трапеза. По среди ужина Робертсон и его модный друг, который, кстати, кого-то ещё и укусить хотел, пришли в гости, а вот когда Алексис закричал и вскочил, сломал стул... называть его “живучим”, это ещё слабо сказано. Что за ужасные испытания на мою голову.

... Для справки, Монетт изо всех сил старалась убедить модного друга Робертсона покусать их.

— Просто покусай их, модный друг Робертсона! Прямо здесь! Давай! - приговаривала Монетт.

К сожалению, модный друг Робертсона остался доволен, просто поймах несколько летающих мошек вокруг. Ну что за добрый паук. Настолько, что она захотела буквально засунуть модного друга прямо в лицо Персиваля, показывая ему, насколько он лучше, чем он, особенно, если чуть-чуть яда случайно капнуло бы на него, коснувшись его лица. В итоге, Персиваль смотрел на паучка чересчур злобно …

Когда закончился ужин Монетт передохнула от всего этого, и вот она ставит одну чашку на стол. Совершенно обычная чашка, половина которой наполнена чистой водой.

— Леди Монетт, что это?

— Я подумала выяснить, на самом деле ты проклят или просто мерзкий ублюдок... правда, которому немного не повезло.

— Монетт, прости, что сломал стул, но не могла бы ты перефразировать свои слова немного добрее?

Игнорируя болезненные мольбы Алексиса, Монетт достает лист бумаги и перо.

Это кусок пергамента, размером с ладонь. Перо, по всей видимости, тоже сделано специальным образом. Маленькие буквы вырезаны на его толстом древке, а кончик абсолютно черный, изготовленный из каких-то особых ингредиентов. По внешнему виду, очевидно, это не обычное перо. Алексис и Персиваль уставились на такую странность.

Особенно Персиваль... смотрит чересчур уж насторожено. Когда его глаза прошлись по пергаменту и перу, он обратил свой взор обратно к Монетт. Его нефритовые глаза, казалось, спрашивали Монетт, что же она планирует делать со всем этим.

— Я создам чары.

— Чары?

— Чернила для пера смешанные с моей кровью. Благодаря этому я нарисую чары на этой

бумаге.

Монетт кладёт перо на бумагу. Смешанные с кровью чернила поглощаются пергаментом. Они вроде как черные, но в зависимости от освещения может показаться, будто немного красные. Такой цвет, для некоторых покажется совсем зловещим

Персиваль недоверчиво наклоняет голову, смотря как Монетт скользит пером по пергаменту, рисуя что-то.

— Все, что вижу, это рисунок какого-то уродливого существа, но разве в этом есть что-то особенное?

— Любители не поймут очарование этой миленькой кошечки.

— … Леди Монетт, возможно ли, вы пострадали
от проклятия, забирающие способности нормально рисовать?

— … Но Персиваль, кажется, тебя поразило проклятие, укравшие твои манеры.

— Вы оба, умоляю прекратите.

Алексис останавливает их прямо перед тем, как они бы подрались. В своем шлеме Монетт цокает языком, смотря на Персиваля. Естественно, она смотрит на него через шлем, и ее взгляд совершенно не задевает его, но вот так совпало, он тоже пялился на неё своими острыми глазами.

Что за бесячий парень. Если бы только они оба были прокляты … но даже, размышляя об этом, она продолжает водить пером по пергаменту.

И так, её рисунок очаровательного котенка завершен. Будь здесь любая другая третья сторона, точно похвалили эту кошечку за то, насколько она очаровательна и красива, совсем как живая. Либо так, либо ей порекомендуют хорошую психбольницу.

В любом случае, кладя зачарованный пергамент на чашку, она делает глубокий вздох в своём шлеме.

Дом Идиры давно утратил право называть себя ведьмами. Сейчас у Монетт нет живых родственников, что могли бы использовать магию.

Таким образом, Монетт изучила магию, пробираясь сквозь горы документов, переживших годы забвения. Она даже не знала есть ли у неё хотя бы талант, но, к счастью, времени у неё было предостаточно.

Вспоминая дни, проведённые в изучении магии, она медленно вдыхает в легкие побольше воздуха… а затем бормочет:

“Поиск.”

Естественно это простое слово - заклятие, активирующие магию.

В тот момент пергамент на чаше, издавая хлопающие звуки загорелся как по приказу.

Сначала он, распыляясь кружился, а после мгновенно исчез. Все что осталось в чаше, лишь чистая вода, что и раньше. В чашке не лежало и следа пепла или копоти. Даже ряби на воде не было.

— Чт-что это было?

— Это была магия. Что ж отлично, Принц Алексис, пожалуйста, выпейте это.

— … Прости меня, Монетт. Мне, кажется, немного страшно после этого.

— Милорд, если выпьете воду, помнящую рисунок того проклятого создания на пергаменте, уверен, вы навсегда потеряете способность рисовать.

— Это очаровательный котенок! Отлично, тогда я первая выпью, просто смотрите.

Монетт взяв чашу в свою руку, без отвращения спокойно отпила оттуда. И само собой, не было ни вкуса или запаха. Просто вода. Не чувствуется ничего странного от воды. В конце концов, Монетт самолично набирала её из колодца.

Она выпивает, доказывая это, затем возвращает чашку на стол.

— Видишь, - говорит она, пожимая плечами.

…Хотя из-за брони она ничего не смогла сделать, но зато странно двинулась со скрежещем звуком, так что она не уверена относительно того скажут ли они, будто она пожимала плечами.

— На 100 процентов не вредно, самая настоящая вода.

— … Очень хорошо, в таком случае, Я первый.

Он дегустатор еды Принца или что? Персиваль протягивает руку к чашке.

— Давай, не стесняйся, - убеждает она, хотя и думает о их до неприличия ужасной подозрительности.

Персиваль с серьёзным выражением лица держит воду во рту, как бы проверяя на наличие странных вкусов. Наконец-то, он проглатывает воду.

— … Хм правда, просто вода.

— А я что говорила. Давай, давай, твоя очередь, Принц Алексис.

— Д-да…

Алексис берёт чашку в свою руку. Наверное, видя, как Монетт и Персиваль пили отсюда, это уменьшило его беспокойство. Затем, он делает глоток воды, как и те двое, а чуть позже стонет и начинает сильно кашлять.

— Ургх гха, что это?!

— Милорд, в чем дело!?

— Что за горечь, я впечатлен, вы двое действительно смогли выпить это…

Алексис выглядит довольно болезненно, разговаривая с ними, заливая при этом рот чаем. Наверное, он ещё может пробовать его на своём языке.

Боль и отвращение отчётливо видно на его лице. Делая глоток чая после каждого сказанного слова, затем ещё глоток и снова слово и так далее ... кажется, было до безобразия горько.

Персиваль, пивший ту же воду, признавая её как “простая вода”, находил это странным.

— Горькая? Но, когда я пил, здесь была просто вода.

— Вода? Это? …. Егх, не хорошо, Я, наверное, смогу ещё раз попробовать. Монетт, у тебя есть что-нибудь с сильным вкусом? Вроде вина или сыра - желательно высококачественное выдержанное вино и сыр на крекере, - спрашивает Алексис даже в такое время.

— Что ты вообще думаешь делаешь, так шатаясь?! - резко отвечает Монетт.

Она поднимает заранее приготовленную коробку...

Симпатичная коробочка с красивыми камнями. В ней лежит тщательно завернутый шоколад.

Видя содержимое, Алексис благодарит её и берет одну, бросая в свой рот. Попробовав, в конце концов он издает облегченный вздох. Должно быть, вода была чересчур ужасна. Персиваль пристально смотрит на чашку, осторожно выпивая воду. Всё что ему остаётся — это в замешательстве склонить голову в сторону.

Монетт пожимает плечами, издавая леденящий душу звук.

Конечно, чего и следовала ожидать или всё-таки нет, но Алексис проклят.

http://tl.rulate.ru/book/22705/474562